

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

В духе времени

«Научная книга»

Серова М. С.

В духе времени / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Телохранитель Евгения Охотникова повидала всякого, и удивить ее не просто. Но это новое дело совсем ни на что не похоже: Охотниковой предстоит сопровождать... цирк, отправившийся на гастроли. В охране нуждается не только директор с экстравагантной фамилией Нуньес-Гарсиа, за которым кто-то следит, но и его полосатые артисты, потому что один из тигров уже пропал прямо из клетки. Накануне отъезда на гастроли город всколыхнуло громкое преступление - от руки киллера погибли местный авторитет Тройной, его охранник Кабаргин и девушка по вызову. Охотниковой кажется, что между этими событиями нет никакой связи, но вскоре она узнает, что Кабаргин, пока не подался в бандиты, тоже дрессировал тигров. Похитить хищника мог только тот, кто умеет с ним обращаться, а значит, Евгении пора поинтересоваться тройным убийством. Похоже, цирк и криминал - не такие уж несовместимые вещи...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

В духе времени

Пролог

Павел Петрович Троянов глянул в окно. Сгущались сумерки, и было совершенно очевидно, что ничего в своем кабинете он больше не высидит. Никто ему не позвонит. Пора было ехать домой.

Павел Петрович откинулся на спинку кресла и стал мысленно перебирать события уходящего дня. Гнетущая, слепая тревога оплела воспоминания об этих событиях. Она прорастала, как молодая трава сквозь асфальт, хотя казалась совершенно беспричинной: асфальт прочен, недавно закатан и не может дать ни малейшей трещины.

Откуда она – эта тревога?

Павел Петрович выстроил все события в хронологическом порядке.

Утром он был с женой. Жена стареет. Глупости, глупости. И все-таки. Уже не верится, что когда-то – невероятно давно! – она была нежной Леночкой с тонкими руками и звонким голосом. Хотя нет, только сегодня утром в ней проклюнулась та, прежняя, девушка. Когда он спросил, какой тариф сотовой связи ей купить, она выругалась и резко ответила: «Купи мне, Паша, тариф „На счастье“!» Он не понял: «Чего?» А она добавила: «А себе купи тариф „Тормоз“, с почасовой тарификацией». Но тут же снова превратилась в бессмысленный и ничего не желающий, раздражительно колыхающийся студень. Такой Павел Петрович и видит ее ежедневно.

Что было потом? Звонки по делам фирм, совещание в офисе, разговор с тем интеллигентшкой, который, наверное, до сих пор трясется. Прижучить бы этого очкарика. Да ладно, не стоит. Лучше дать очкарику охрану. Только ведь он на какую угодно не согласится. Если поручить дело Кабаргину, начальнику охраны, то от очкарика останутся рожки да ножки. Кабаргин привык с животными работать и до сих пор никак не может перейти от прежнего своего стиля поведения к человеческому. Но работник он, конечно, хороший.

Есть ли проблемы? Да, проблемы есть. Особенно с тех пор, как сменился директор цирка. А старый, Тлисов, до сих пор всего боится, думает, если он шевельнет хоть мизинцем, то его немедленно посадят. Проблем нет только у покойников. Вот потому ему и не хочется, именно с этой точки зрения, чтобы проблем не было вообще.

Что еще? Откуда эта дрожь, холодающая холеное сытое тело даже здесь, в теплом и уютном кабинете, в теплом и уютном кожаном кресле? Как будто эта дрожь – частица того осеннего хаоса, который бушует за окном, раскачивая и раздвывая деревья под окном офиса. Из-за чего? Из-за звонка ушедшего негодая, забравшего немерено власти и решившего, что ему все позволено? Этого... как его... Забыл фамилию, что ли? Да нет. Можно ли забыть?

Наглая шавка. Выпустили его по амнистии из тюрьмы, он и возомнил, что стал всемогущ. И погоняло-то он себе выбрал дурное: Мандарин. Еще бы Ананасом или Киви назвался. Хотя нет, Киви – это какому-нибудь грузину больше подходит, Киви-Гиви. Ишь, Мандарин он, ничтожество расписное...

В пору своей молодости Павел Петрович таких шавок мигом ставил на место. Но тогда, в молодости, кровь текла по жилам упруго, пульсирующе, ярко, а не расплзалась тусклыми конвульсиями умирающей ящерицы. Хотя ему и сейчас всего сорок пять... Наверное, он из-за жены чувствует себя таким древним. Впрочем, это легко поправить. Кабаргин, вероятно, уже позаботился о том, чтобы надлежащим образом заполнить досуг своего босса.

Троянов поднялся из кресла. Часы четко отбормбили восемь, и тут же раздался звонок, уведомивший Павла Петровича, что машина ждет его у выхода из административного корпуса комбината, которым владел Троянов, а охрана стоит за дверями кабинета. Троянов открыл дверь, тяжело вздохнул и подумал: это все из-за того, что пришла ранняя осень, а она всегда тягостно действует на него, далеко не самого чувствительного человека. Вот и накатила беспричинная тоска, тревога, закопошились скверные предчувствия, похожие на могильных червей... Нет, стыдно ему, столь крупному бизнесмену, по совместительству авторитету по прозвищу Тройной, идти на поводу у детских тревог!

Но... только ли предчувствия это?

Поймав на себе удивленный взгляд личного охранника, всегда бывшего при нем и в самом деле ожидавшего босса за дверями, Павел Петрович понял, что последнюю фразу он произнес не про себя, а – вслух.

Охранник, он же руководитель трояновской секьюрити Виктор Кабаргин, был в самом деле немного озадачен выражением грусти, разлившимся по толстому, малоподвижному лицу босса. Павел Петрович был явно не в себе.

– Ничего, Виктор, – бросил Троянов охраннику. – Устал я что-то сегодня. Кстати, ты сделал, что я велел? Насчет нашего умника, чтоб к нему охрану приставили?

– Да, Павел Петрович, все как ты сказал. Деньги я передал Павлову.

– Значит, все в порядке?

– Да.

– Ну хорошо. Пускай получает свою охрану. Все-таки нам нужно охранять его, чтоб все было путем. Курица, несущая золотые яйца... Тут ничего не скажешь. А эта баба... как ее...

– Охотникова?

– Да, она в самом деле такая крутая, что ли? Или болтают?

– Я наводил справки. Все нормально. Главное, что очкарик на нее сразу же согласится. Все-таки...

– Ладно! Хватит болтовни. Поехали.

– Да, Павел Петрович. Сейчас поедem домой. То есть – на вторую квартиру. Кстати, сегодня без разницы, куда ехать, потому что твоя жена, Павел Петрович, умотала к тетушке в Питер.

– Когда?

– Сегодня днем.

– А-а, ну да. Поехали домой.

– Да, Павел Петрович, – ответил тот, накидывая на плечи босса пальто.

– Что, все чтиво свое штудируешь? – кивнул на свернутую трубочкой «желтую» газету в мощной руке Виктора Троянов. – Эх ты... дрессура! Нет бы нормальную литературу почитать, а ты всякий «желтяк». Образовываться надо, Витя. С людьми работаем, а не с тиграми.

– С тиграми тоже приходится. Да, по мне, лучше тигры и крокодилы, чем такая тварь, как человек. Тигров, не поверишь ли, жалко было... А человека – ни разу еще.

– Мало ли что... Очеловечивайся, Витя. Возьми что-нибудь хорошее почитать. А то ты порнушные комиксы листаешь да анекдоты про слонов.

– Да, босс, – привычно ответил охранник. – А газеты отчего ж не почитать? Там анекдоты смешные.

Они вышли из здания. В лицо подул ветер. Он не был холодным, но Троянову почему-то показался пронизывающим.

– Классику бы, что ль, почитал, – устало продолжил тему Павел Петрович, – Булгакова там, Чехова. У Чехова есть рассказ «Каштанка», там про цирк, все ж тебе ближе.

– Да я читал. В училище еще, по программе. Чего-то там про мертвые туши и Собакевича. Про живодерню, что ли...

Троянов тяжело вздохнул после этого экскурса своего подчиненного в классическую литературу и, придерживав рукой распахнутую перед ним Виктором заднюю дверь «Мерседеса», нырнул в теплый и уютный салон. Непогоду отсекло как ножом, и Павел Петрович удовлетворенно откинулся назад, прищелкнув пальцами:

– Витя! Дай это... ну... да. – Он выхватил из руки телохранителя плоскую фигурную фляжку с коньяком и отхлебнул хороший глоток. Потом еще и еще. Блаженное тепло и спокойствие потекли по телу бизнесмена. Он отдал Виктору коньяк и уже расслабленно выговорил:

– Ну, ты, Виктор, давай не молчи как чурбан, расскажи что-нибудь, ты же знаешь, что я не люблю в тишине ехать. Тишина, она давит, а это и для пищеварения плохо, и вообще – для нервов. А все болезни, если ты не знаешь, от нервов проистекают.

– А что ж мне болтать-то? – отозвался Виктор, садясь за руль. – Тебя вот она развлечет.

Павел Петрович повернул голову и в углу салона увидел девушку, одетую легко, не совсем по сезону. На ней было довольно короткое платье, туфли на шпильках, а в тонких руках она держала несколько апельсинов.

Виктор добавил:

– Она-то развлечет-о-от. Она языком трепать горазда. По-всякому, знаешь ли, им работает... Кстати, она еще и мастер спорта по карате. Любого мужика завалит, если что. Наша школа...

Девушка, о которой шла речь, пошевелилась. Апельсины словно засветились в ее руках нежно-оранжевым светом. Заметив на себе взгляд Троянова, она с невероятной ловкостью пожонглировала этими апельсинами и произнесла чуть нараспев:

– Меня зовут Виктория, что с латинского переводится как «победа». Ваша победа, Павел Петрович.

– Специально под тебя, Петрович, подбирали, – заметил Кабаргин. Она из наших, свеженькая еще, так что разомнет тебя по полной программе. Мы, Павел Петрович, пока тебя ждали, с Викой анекдоты читали в газетке. Она один очень смешной вычитала.

– Ну так расскажи. – Троянов полузакрыв глаза, лишь краем уха улавливая то, что говорит ему Виктор. Виктор и Виктория... Кстати, последняя пододвинулась и начала виртуозно массировать ему затекшую шею. И откуда только узнала, что у него к вечеру затекает шея. Наверное, Кабаргин сказал.

Охранник вел машину и, время от времени хмыкая собственным словам, рассказывал:

– Ну, это... стоят на стоянке рядом два «мерина» «шесть ноль ноль», а рядом два отруба стоят конкретных... хозяева «меринов», «новые русские». К ним подходит мужичонка этакий невзрачный и говорит: «Спорим, мужики, что я на своем „запоре“ проеду на скорости между вашими тачками и не задену их?» Ну, те смотрят на мужичонку, на его «запор», на расстояние между «меринами», которые рядышком стоят, и хмыкают: «Ну, типа, согласные мы. На пять штук баксов спорим. По рукам, значит?» – «Идет», – радуется мужичонка. «Запор» на скорости вминается в «мерсы», естественно, между ними не проскакивает и разбивает «мерсам» все, что можно. «Новые русские» смеются: «Ну, мужик, попал ты на бабки конкретно. А чего ты вообще такой довольный?» – «А ничего. Я во-о-он с теми братками, – и кивает в сторону, – поспорил на двадцать штук баксов, что разобью в хлам ваши тачки, а вы смеяться будете».

Закончив рассказывать анекдот, охранник, сидящий за рулем трояновского «Мерседеса», привычно хмыкнул, а Павел Петрович после некоторой паузы произнес:

– Анекдот из серии «Здравствуй, дерево». Как говорится, смеяться следует после слова «лопата». Ладно, будем считать, позабавил. Вот и дома практически уже.

«Мерседес» свернул в арку массивного претенциозного дома в духе типичной безвкусной «новорусской» архитектуры. Виктор кашлянул, открыл было рот, верно, для того, чтобы рассказать очередной анекдот, но в тот же момент поперхнулся на полуслове и, выругавшись,

рванул руль в сторону... Завизжали шины, машину отчаянно тряхнуло, она проскрежетала крылом по стене арки и остановилась.

– Ну, сука! – рявкнул водитель. – Щас я его вздрючу, падлу! – И он полез из машины через правое кресло.

– Что это он... – тревожно выговорила Вика.

Павел Петрович очнулся. Разъяренный Виктор уже вылезал из машины навстречу... нет, не владельцу анекдотического «Запорожца», а «Москвича». Упомянутый автомонстр отечественного производства, пробороздив по правому крылу «мерса», в то время как о стену арки изуродовалось левое, сиротливо застыл, въехав в проем какой-то двери и соответственно эту дверь проломив.

– Та-а-ак! – злобно протянул Троянов, с которого мгновенно слетела дремота. – Накаркал ты своими анекдотцами, Витюша. Это... как тебя... телка! Ты ж, типа, по карате... завалишь любого, так? Ну вот и иди – помоги тезке.

Тем временем Виктор, зарядив в воздух ужасающую матерную фразу, пошел на владельца «Москвича», который стоял у стены, глядя, как с двух сторон на него надвигаются люди Троянова – Кабаргин и Виктория.

– Ну, ты, мужик, попал! – повторил фразу из анекдота озлобленный Виктор. – Ну-у, ты-ы...

Больше начала ему сказать не удалось. Кабаргин наступил на сухую ветку, и она шелкнула, разламываясь. Быть может, шелкнула и не ветка. Даже наверное – не ветка. Потому что Виктор подался вперед всем телом и взмахнул руками. А потом что-то вторично шелкнуло, но уже без всякого участия оставшейся лежать на земле ветки, и Виктор упал.

Девушка Виктория, владеющая карате, изогнулась всем своим гибким прекрасным телом, но при всем ее искусстве избежать пули оказалось делом невозможным. Пуля настигла ее в тот момент, когда она открыла ротик в беззвучном вопле, и тут же поймала им смертоносный кусочек металла. Виктория умерла мгновенно.

Убийца переступил через трупы хладнокровно застреленных им людей, приблизился к «Мерседесу» и, распахнув дверь со стороны Троянова, вскинул пистолет. Выстрелов не слышал и сам киллер – в тот момент, когда пули прошли тело не успевшего ничего понять Павла Петровича, в арке страшно завыл ветер. Рванулся, как бродячий пес на кусок упавшего с балкона сырого мяса, обглодал все звуки, все короткие предсмертные стоны и хрипы Павла Петровича – и, завернув их трубочкой, словно газету, которую недавно держал в руке Виктор, вынес на простор шумного города. Кто-то жутко завизжал в стороне – наверное, проходящая мимо бабулька, подслеповатыми глазами увидевшая в арке вечернюю сказку не для малышей.

Киллер произвел контрольный выстрел в голову бизнесмена Троянова и еще один выстрел в висок авторитета Тройного – два выстрела в одну и ту же голову, – затем бросил пистолет на землю рядом с трупами Виктора и Виктории. А потом наклонился и подобрал... нет, не пистолет, только что им выброшенный, а газетку с несмешными анекдотами про «новых русских».

– Почитаю в свободное время, что ли, – пробормотал он и, надвинув на лоб черную вязаную шапочку, длинными шагами ушел вслед за унесшим звуки расстрела ветром, кувыркающимся в ворохах опавших листьев.

Глава 1

Явпилась глазами в экран моего домашнего кинотеатра, наблюдая за захватывающими кадрами нового французского фильма «Видок» с Жераром Депардье в главной роли. Фильм в самом деле впечатлял, тем более что – в отличие от аналогичных забойных блокбастеров американского производства – все было снято на редкость правдоподобно и достоверно, вплоть до широких желтозубых улыбок. Ибо в девятнадцатом веке такая бытовая мелочь, как отбеливающая зубная паста, еще не была изобретена.

Тетушка вошла в комнату так же бесшумно, как если бы она была кошкой. Кстати, о семействе кошачьих. Не далее как позавчера она ввела в нашу доселе тихую квартиру непонятное существо, представлявшее собой нечто среднее между клубком пряжи на ножках и непомерно разросшимся хомячком. Существо было задекларировано как котик. Этим котиком тетушка утоляла жажду общения с братьями нашими меньшими и реализовывала клондайки нежности, накопившиеся у нее с давних времен. Котика звали то ли Тема, то ли Тима, и он обладал удивительной способностью все сшибать и демонтировать. Это касалось и громоздких вещей типа гладильной доски вместе с утюгом на ней, которые котик Тима-Тема не мог сдвинуть, казалось бы, по определению.

По внедрении в дом живой твари тетушка стала притихшей и умиротворенной. Передвигалась по квартире совершенно бесшумно, с Темой-Тимой на руках. Хотя по отдельности они представляли собой удивительно шумные единицы, что тетушка со своими рассуждениями о настоятельной необходимости моего скорейшего замужества, что котик, существо невероятного аппетита и невероятных же моторных качеств. Но в полном соответствии с законами арифметики минус на минус дает плюс: два шумных существа, объединившись, дали в результате совершенную тишину.

– А, фильм смотришь? – спросила тетя Мила. – Что за фильм-то? С Депардье? Это где он играет метрдотеля у какого-то принца...

– Нет, – ответила я, – это другой. Тут он играет начальника полиции Парижа Франсуа Видока.

– Ага, – кивнула тетушка, – вспомнила. Это где убийца – журналист?

До меня сразу не дошло, что она, собственно, сказала. А когда дошло, то я, невольно выругавшись, выключила фильм и повернулась к любезной родственнице со словами:

– Ну, спасибо, тетушка, просветила. Это как в анекдоте, да? «Хорошая книга, никогда не угадаешь, кто во всем виноват. Почитай обязательно, не пожалеешь. Я только на предпоследней странице догадался, что убийца – парикмахер». Большое тебе спасибо!

– А что такого? – выговорила тетя Мила. Потом несколько смутилась и, погладив Тиму-Тему, добавила: – Просто я уже видела этот фильм.

– Да я поняла...

– Ты, Женя, не расстраивайся, – отозвалась она. – Ничего страшного, честное слово – ничего страшного. Между прочим, этот Видок стал прототипом для бальзаковского Вотрена.

– Очень за него рада, – буркнула я.

– За Вотрена?

– И за Бальзака тоже. Ну, тетушка, благодаря твоим стараниям я теперь свободна, у меня появился лишний час. Надо посвятить его себе, любимой.

– Да, конечно, конечно, – отозвалась она. – Ты, Женя, вообще странный человек: то развиваешь бурную деятельность и не спишь по несколько ночей кряду, то, знаешь ли, лежишь на боку и совершенно ничего не делаешь. Даже я вот меньше похожу на старуху, чем ты в такие моменты.

– Опять пошла агитация в пользу физкультуры и спорта... – вяло отозвалась я. – «Главный академик Иоффе доказал, что чай и коф-фе вам заменят спорт и проф-фи...»

– «...лактика», – договорила тетя. – Кстати, Женя, как тебе этот котик? Он у нас уже два дня живет, а ты до сих пор не сказала, что о нем думаешь.

– Да я о нем не думаю, – отмахнулась я. – Я вообще животных не люблю. Котов там всяких, псов... крокодилов-бегемотов.

– Ну, еще бы ты сказала что-нибудь другое... – разочарованно сказала она.

Я встала, извлекла DVD-диск с «Видоком» и со вздохом уложила его в коробочку. Котик мяукнул, вырываясь из рук тети Милы, и вскарабкался на портьеру. Сделал он это с врожденным мастерством профессионального верхолаза.

– Ох, не люблю я эту живность... – уныло повторила я.

И в ту же самую секунду раздался телефонный звонок.

* * *

Тетушка взяла трубку и произнесла почему-то басом, хотя у нее всегда был вполне нормальный женский голос:

– Алло! Да. Добрый вечер. Евгению Максимовну? Одну минуту. Тебя, Евгения Максимовна, – протянула она мне трубку.

– Слушаю, – сказала я.

– Здравствуйте, Евгения Максимовна, – зазвучал в трубке весьма тонкий, даже чуть писклявый, но, несомненно, мужской голос. Такими голосами, говорят, обладали евнухи в сералях.

– Добрый день, – сказала я, и в ту же секунду чудесный котенок Тима-Тема прыгнул с портьеры прямо мне на плечи. Я аж присела. – С кем имею честь?

– Меня... гм... зовут Федор Николаевич, – представился звонивший. – Федор Николаевич Нуньес-Гарсиа.

– Простите?

– Нуньес-Гарсиа, – терпеливо повторил Федор Николаевич. – Вы, может быть, слышали обо мне или... Словом, я директор тарасовского цирка. А моя фамилия, как вы сами понимаете, испанского происхождения. Моя мать – испанка, которую привезли из Мадрида в конце тридцатых, когда там шла гражданская война. Ну, как мать знаменитого хоккеиста Харламова. Правда, по паспорту я – Лаптев, но я предпочитаю именоваться Нуньес-Гарсией, потому что я не только администратор, но еще и выступаю в качестве дрессировщика. Точнее, выступал до недавнего момента. Хищные звери – это мой конек, – сообщил мой собеседник, невольно скаламбурируя.

– Прекрасно, – пробормотала я. – Но видите ли, уважаемый Федор Николаевич, я не поняла сути. Что вы от меня хотите?

– А, это да, это – да. Евгения Максимовна, нам нужно встретиться. Мне рекомендовали вас как прекрасного специалиста в своей области, и я хотел бы сотрудничать именно с вами.

– Ну хорошо, – кивнула я. – Давайте встретимся. Где вам удобнее?

– Мне удобнее в своем кабинете, – отозвался он. – Дело в том, Евгения Максимовна, что в настоящее время я предпочитаю не высываться никуда, да и... Словом, и не телефонный это разговор.

– Значит, в вашем кабинете? – переспросила я.

– Да, у меня, на улице Слонова. Правда, замысловато: цирк на улице Слонова? Кстати, скоро я привезу в город замечательную программу со слонами. Индийскими. Если, конечно, доживу до нее. – Далее послышался трубный звук, какой издает полузасоренная раковина, всасывающая воду, а за ним прозвучало пояснение: – Это у меня насморк, извините.

Ссылка на насморк, данная в тесном соседстве с пессимистической фразой «если доживу...», меня впечатлила. Я отозвалась:

– Хорошо, Федор Николаевич. Мне приехать прямо сейчас?

– Желательно, – промолвил он. – Адрес: Слонова, 81, городской цирк...

– Благодарю вас, я знаю, где находится цирк. Недавно там была на концерте Нильды Фернандеса и Бориса Моисеева. Вы лучше объясните, как мне найти ваш кабинет.

– О, это очень просто, – сказал Федор Николаевич. – Решительно просто. Я предупрежу охранника на входе, и он вас проведет. Потому что в цирке все так запутано, что даже я порой не могу разыскать собственный кабинет. Я же всего второй год директором, а рассеянность у меня еще та... Сосредоточиться могу только со зверями. Зверь же не станет медлить: пасть разинет да и откусит что-нибудь, стоит только зазеваться.

– Понятно, – сказала я, – откусит. Но мне не хотелось бы, чтобы мне что-нибудь откусили.

– Словом, вы приедете?

– Да, – ответила я и положила трубку.

– Ну что? – сказала тетушка. – Кто звонил? Я слышала, там какой-то кудхтающий и бултыхающийся голос проклянулся. Так, наверное, заговорила бы бочка, до половины наполненная огуречным рассолом.

– М-да, дорогая тетушка, у тебя никогда не хромало образное мышление, – мрачно отозвалась я. – Между прочим, тут нарочно не придумаешь: не успела я выразить свое неудовольствие окружающей меня флорой и особенно фауной, как позвонил и попросил о встрече не кто-нибудь, а директор нашего цирка, он же – бывший дрессировщик.

– Директор цирка? – переспросила тетя Мила. – Тлисов, что ли? Он же, по-моему, не дрессировщик, а работал в эксцентрическом жанре. Клоун то есть.

– Не знаю, о каком клоуне Тлисове ты говоришь, но звонил совсем другой человек. Этакий мачо с фамилией чуть ли не Васко да Гама.

– Васко да Гама?

– Шутка. Фамилия его – Нуньес-Гарсиа. Представляешь?

– И он – директор цирка? – спросила тетушка.

– Директор.

– А куда Тлисова дели? Я точно знаю, что фамилия директора нашего цирка Тлисов. Когда я работала юристом, у нас были с ним дела. А, ну да! Тлисова же сняли – там какое-то нечистое дельце открылось. Совершенно верно. Значит, теперь вместо него директором... м-м... Гарсиа Лорка?

– Ты, тетушка, еще Гарсиа Маркеса вспомни, – улыбнулась я. – Лорка – это поэт. А нашего укротителя зверей и по совместительству директора цирка зовут Нуньес-Гарсиа. У него мать – испанка. А сам он, кажется, чужак...

* * *

Чужак с экзотической фамилией Нуньес-Гарсиа оказался высоким сухощавым человеком, чем-то напоминающим Жака Паганеля, только остригшего волосы и надевшего очки в не совсем типичной для него, то бишь для месье Паганеля, оправе. У Федора Николаевича был внушительный кадык, который во время разговора двигался вверх-вниз, и чем экспрессивнее говорил директор цирка, тем больше была амплитуда движений. Кроме того, длинное и сухое его лицо было оснащено внушительными, торчащими в стороны усами, которые не воспринимались слитно с обликом и казались накладными, хотя, бесспорно, были натуральными.

Когда я вошла, директор перебирал бумаги с такой поспешностью, словно они жгли ему пальцы. При моем появлении он дернул головой так, что очки свалились с переносицы, и проговорил:

– Я занят. Зайдите попозже. У меня, некоторым образом, посетители!

Я, откровенно говоря, юмора не поняла. Четко договаривались на определенное время, и вдруг извольте получить: занят он, посетители у него! А где они, посетители? Нет же никого, кроме меня. Собственно, я и есть «посетители». Только в единственном числе.

– Федор Николаевич... – решительно начала я. Кадык директора цирка заплясал, как ударник аппарата для вбивания свай.

– Вы ведь по поводу номера с эквилибристами? Номер зарезан, говорю вам, и попрошу обойтись безо всяких апелляций!

– В самом деле? – переспросила я. – Честно говоря, Федор Николаевич, меня не очень сильно волнует судьба номера, исключенного из программы. Мы с вами улаживались о встрече. Я Охотникова, мы говорили с вами по телефону буквально два часа тому назад.

Чудак директор откинулся в кресле назад и стал шуриться. Выражение его лица приняло откровенно комичные формы. Сам он, без сомнения, этого не замечал.

– Ах, простите, тут у меня маленькая запарка, – произнес он растерянно, а затем автоматически поднял трубку зазвонившего телефона и рявкнул со звенящими металлическими нотками в голосе: – Меня нет! Кто говорит? Говорит автоответчик! Все, на сегодня я закрыт! Вот ироды, – заговорил он, снова сменив тон, и повернулся ко мне, – нет никакого покоя. У вас, Евгения Максимовна, случаем, нет запасных ушей? А то мои отваливаются. От постоянных разговоров, звонков, требований разных дурацких...

– Перейдем все-таки к делу, – скромно напомнила я, поняв, что этот монолог может продолжаться довольно длительное время. – Я вас слушаю, Федор Николаевич.

– Да, конечно, конечно... Словом, Евгения Максимовна, я попал в совершенно непонятную ситуацию. Непонятную, по крайней мере, мне. Я... в такие ситуации еще не попадал, хотя жизнь у меня довольно богата впечатлениями. Я бывал на гастролях во многих странах мира – в Японии, Италии, Канаде, на исторической родине в Испании, наконец. Я многое пережил. Моя бывшая работа сопряжена с нервными встрясками – сами понимаете, постоянное соседство со свирепыми хищниками... Хотя лично мне звери давно уже не кажутся свирепыми. Я, в некотором роде, воспринимаю их не как существа, которые требуется укротить, а скорее как коллег по ремеслу, что ли. Я у них вроде как за главного, и все. Наподобие... дирижера у оркестрантов, что ли. Много лет работал... стаж... и вообще... Но, честно говоря, ни разу я не встречался со столь непонятными форматами дела, как то, в которое угодил я сейчас. Уф... вступление можно считать законченным.

«Да, для вступления более чем достаточно! – подумала я. – Однако этот тигриный дирижер весьма многословен, его полосатый коллега за это время не один килограмм мяса сожрать может. Причем – вполне еще живого мяса».

– Да, я вас слушаю, – как шаман заклинание, в который раз повторила я. Директор смерил меня пристальным взглядом, привстал за столом и, вытянув длинную шею, прошептал:

– Словом, Евгения Максимовна... на моих тигров кто-то охотится.

– Простите, – недоуменно произнесла я, – но мне не совсем понятно... то есть как это – охотится? Тут, кажется, не Индия и не Бангладеш, чтобы... Как это?

– Очень просто. Кто-то открыл сезон охоты на моих тигров. В самом что ни на есть буквальном смысле! То есть, конечно, не совсем буквальном, но... Понимаете, некие злоумышленники... гм... покушаются на моих тигров. А это очень дорогие существа!.. Не мне лично дорогие, хотя мне мои тигры, конечно, дороги, а вообще – по стоимости. Вам известно, Евгения Максимовна, сколько стоит один тигр? Нет? Так вот, стоимость одного тигра исчисляется даже не тысячами, а десятками тысяч долларов, понимаете? Короче, стоит он как хороший джип! – И директор уставился на меня пронзительным взглядом круглых глаз, верно, призывая к тому, чтобы я ужаснулась вместе с ним потенциальной возможности похищения тигров.

Но я не ужаснулась. Федор Николаевич, конечно, был наполовину испанцем, но менталитет у него был откровенно наш, русский: он долго запрягал, но быстро ехал – то есть сначала томил предисловиями и предысториями, а как перешел к собственно проблеме, то пустился в такой калейдоскопический опор, что я ничего и не поняла. Очевидно, уважаемый директор перескакивал с пятого на десятое, пытаясь донести до меня самые эмоциональные моменты своей проблемы. А была ли проблема?

– Вы не понимаете? – спросил он таким тоном, как будто он говорил самые обыкновенные и простые вещи, вроде что дважды два – четыре, а я никак не могла въехать.

– Простите, господин директор, но я действительно немного не понимаю, – сказала я с легким недоумением в голосе. – Наверное, ваше тревожное состояние объяснимо... но вы его пока не замотивировали. Что я должна понять? Что некто покушается на ваших тигров? Но тигр – не дитя малое и не девушка-институтка. И каким образом на них охотятся? Они же все, если мне не изменяет память, находятся в клетках и живут в тщательно охраняемых помещениях. Тем более тигр и весит прилично, такой охотничий трофей не спрячешь.

– Хорошо, – сказал директор. – Я, кажется, начал несколько... гм... чересчур экспансивно. Ну, это поправимо. Начну с самого начала.

И он стал рыться в своих бумагах с такой яростью, что я заподозрила фразочку «начну с самого начала» в самой что ни на есть печальной буквальности. Вот он вынет сейчас из стопки свидетельство о своем рождении и скажет: «Я, Федор Николаевич Нуньес-Гарсиа, урожденный Лаптев, родился, жил и вырос...»

Но нет. Бумаги, верно, служили у него неким громоотводом для чрезмерной его горячности. Потеребив бумаги, две-три из них разорвав в лапшу и разметав бумажный мусор в окрестностях мусорного ведра, Федор Николаевич заговорил более спокойно:

– Цирк наш – заведение весьма серьезное, и хоть деньги он приносит небольшие, тем не менее инвентарь и особенно животные стоят очень дорого. Были случаи, что работники цирка, конечно, не самые сознательные, списывали животных якобы по болезни или по смерти, а на самом деле продавали вполне живых и здоровых зверей какому-нибудь распальцованному Толяну или Коляну в личный зоопарк. По бросовой цене. Понимаете?

– А, к примеру, если бы какой-нибудь «новый русский» захотел приобрести у вас животное, вы могли бы продать ему? – спросила я, вспомнив, как один мой знакомый купил себе в бассейн маленького крокодила родом с Нила и забавлялся тем, что выпускал его в тот момент, когда в воде плескались его гости. И потом забавлялся, наблюдая за тем, какая воцарялась паника. Милый человек...

Федор Николаевич насупил лоб.

– Продать... гм... – произнес он. – В принципе такое возможно, конечно, просто не очень желательно. Не люблю я всяких толстосумов. Впрочем, это мои личные симпатии-антипатии. Евгения Максимовна, я работаю на посту директора год, и за все это время подобные купли-продажи не проводились. Вот так. Старый директор, Андрон Ильясевич Тлисов, был снят за некие злоупотребления, быть может, при нем что-то наподобие и случалось. Но в мое директорство никаких злоупотреблений! Не было, да-с! – горделиво повторил мой собеседник, раздувая ноздри.

– Но я все-таки еще не посвящена в суть проблемы, – сказала я. – В чем дело-то? Вы наводили обо мне справки, прежде чем позвонить, вы меня пригласили, а значит, готовы потратить деньги на мои услуги, но тем не менее сути проблемы не излагаете.

– Хорошо, – сказал директор. – сейчас я перейду к сути. Понимаете, у меня пропал тигр. Как провалился сквозь землю! В общем, представляете, что значит украсть из запертой клетки хищное животное массой около пятисот килограммов? Да так, чтобы не осталось следов? Нет, вы не представляете!

– Не представляю, – машинально повторила я.

– Более того, у четырех животных обнаружены следы тяжелого отравления, – продолжил директор. – Но работник, который кормит тигров, клянется и божится, что не давал им ничего, что выходило бы за рамки их обычного рациона. Я ему верю. Это старый испытанный работник, он в цирке около сорока лет, и никогда не позволил бы себе издеваться над животными. У него – его фамилия Чернов – нет семьи, и тигры ему вместо детей.

– О пропаже тигра заявлено в милицию? – спросила я, не скрывая недоумения.

– Да, конечно! Они, кстати, у нас по соседству: мы – с одной стороны улицы, они с другой. Когда у них отопление отключали, они к нам греться прибегали.

– И что?

Федор Николаевич пожал плечами:

– Да ничего! Все, что знал, рассказал, заявление приложил, как полагается. Только они мне в лицо расхохотались. Говорят, у нас три убийства, причем все сразу и в одном месте, а вы тут со своими тиграми лезете. Назначили на расследование лейтенанта Голокопытенко. Есть у них такой индивид – они его бросают на все висяки, чтобы потом плохую раскрываемость на Голокопытенко же и списать. Вот и моего тигра на Голокопытенко повесили. Этот Голокопытенко у меня был, нас выпрашивал, сам истории разные рассказывал. Болтун такой, что не дай бог! У него на каждый случай по истории из жизни полагается. Так что на расследование, видимо, у него времени и сил не хватает, все на болтовню уходят.

– Когда пропал тигр? – едва сдерживая неуместную улыбку, проговорила я.

– Позавчера. Ночью, разумеется.

– А три убийства в одном месте – это, случайно, не на Вишневой ли улице? – спросила я. – Те, вчерашние?

– Да, по-моему, это. Там какого-то бизнесмена застрелили вроде как.

– Совершенно точно, – заметила я. – Только не какого-то, а Павла Петровича Троянова, замечательного деятеля, владельца двух зерноперерабатывающих заводов и одного водочного комбината, мецената, благотворителя и друга детей, депутата облдумы и вообще прекрасного семьянина. Правда, в прошлом прекрасный семьянин отмотал три срока общей продолжительностью семнадцать лет и в уголовном мире имел погоняло Тройной.

– Одеколон? – машинально отозвался мой собеседник.

– Не знаю, что он пил раньше, но в последнее время господин Троянов позволял себе баловаться разве что виски «Маклахлан» или же французским коньячком. Хотя в списке употреблявшихся им напитков наверняка числятся и спиртяжка, и брага, и чифирь, и даже упомянутое вами средство гигиены. А убили его, если мне не изменяет память, в тесной компании с его начальником охраны и с некой девицей, явно не отягощавшей себя нормами морали. Начальник охраны Троянова, господин Кабаргин, даже был мне смутно знаком.

– Кто-кто? – переспросил Федор Николаевич. – Ка-ба... как?

– Кабаргин. Виктор, кажется... Владимирович. А что?

– Да нет, ничего. – Директор цирка потер ладонью лоб. – Н-ничего. Кабаргин... гм.

Я отвела взгляд от лица вспотевшего директора, который был явно чем-то озабочен, но старался того не показать. Ничего страшного, придет время объясниться и касательно этой недомолвки. Или, быть может, мне просто показалось, что имела место недомолвка.

– Одним словом, я знаю: лейтенант Голокопытенко никогда в жизни не сумеет разыскать моего Пифагора, – с печальным вздохом произнес Федор Николаевич.

– Простите, кого? – в который раз на протяжении разговора впала в недоумение я.

– Пифагора. А что? Так зовут тигра, которого у меня украли. Я люблю науку и искусство, у меня, кроме Пифагора, есть тигры Гомер и Одиссей, лев Тацит, а также гордость моего цирка – пантера Ксантиппа. Сокращенно – Ксипа. Конечно, можно называть ее и Ксюша.

– Ксюша... – отозвалась я. – Скажите, Федор Николаевич, а я-то каким манером могу вам помочь? Честно говоря, пока я не очень это понимаю. Вам, быть может, дали неверные сведе-

ния обо мне? Я телохранитель. Я предоставляю охранные услуги, и предоставляю их людям. А не тиграм и пантерам Ксюшам.

– Ну хорошо, – отозвался Федор Николаевич, – если вы не хотите говорить о зверях, то могу перейти к людям. К дрессировщику Павлову и к себе самому. Дело в следующем. Позавчера вечером – а в ту ночь как раз пропал тигр – мы с Павловым сидели у меня дома. Пили вино. Я вообще люблю красное вино, и в этом году я много повез хороших марочных бутылок. Мы пили вино, беседовали. Моя квартира находится на втором этаже нового дома, а времена у нас сами знаете какие, так что там все забрано решетками. Мы сидели в гостиной, и вдруг мне послышался какой-то шум – глухие звуки, едва слышные. Квартира у меня большая, к тому же в ней полно зверья – ручная крыса, две кошки, медвежонок и питончик, – но на сей раз шумели явно не они. Я-то досконально изучил, какие разновидности шумов они могут издавать. Нет... тут был механический шум. Я извинился перед Павловым, вышел из гостиной и прошелся по комнатам. Мои подозрения подтвердились: в одной из комнат я обнаружил перепиленную решетку, распахнутую створку и – следы...

– Следы? – переспросила я. – На подоконнике?

– И на подоконнике, и на полу. В той комнате, где я все это обнаружил, никто не живет... Я – вдовец, пока живу один, а дочь гостит у родителей своей матери, моей покойной жены, в Москве. Следы проникновения были совсем свежие, и, вероятно, воры что-то искали – деньги, ценности ли... но только очевидно, что проникший в мою квартиру человек еще минуту назад был там. Понимаете? Честно говоря, я изрядно перетрусил, хотя и привык напрягать нервы и вообще... Словом, Евгения Максимовна, я вернулся к Павлову и рассказал обо всем. И он подумал, что это совсем нехорошо.

– Интересная у вас манера выражаться, Федор Николаевич, – не удержалась я. – О каких-то малосущественных вещах вы говорите сразу и в количествах, серьезно превышающих все нормы разумного, а вот то, что действительно важно, приберегаете на потом. Насколько я поняла из нашего телефонного разговора, где вы были не в пример предметнее, чем сейчас, у вас есть определенные опасения за свою жизнь. На чем они основываются?

– Вы знаете, Евгения Максимовна, я полагаю, что это какая-то массированная атака на меня и на возглавляемый мною цирк, – проговорил мой новый клиент. – Не понимаю, кому и зачем сие понадобилось, но... Словом, я действительно имею причины опасаться и за сохранность циркового имущества, и за жизнь зверей. Да и за безопасность персонала и свою собственную тоже.

– Гм... – проговорила я. – А что неприятного и необычного произошло еще? Ведь, насколько я догадываюсь, после ваших совместных посиделок с дрессировщиком Павловым произошло еще что-то. Я права?

Федор Николаевич покачал головой и произнес:

– Даже не знаю, как вам сказать, Евгения Максимовна... В общем и целом – да. Произошло. Я после происшествия в моей квартире решил поехать на дачу, а в квартиру... гм... впустил бригаду из строительной фирмы, которой заправляет один мой хороший знакомый. Обезопасил свой дом таким образом от возможного посягательства на мое имущество. Хотя, как мне кажется, не на имущество вовсе охотились, потому что в той комнате, в которую влезли, находилось немало ценных вещей, сувениров, которые я привозил из разных стран... но все они остались нетронутыми.

– Так, интересно.

– Одним словом, я впустил бригаду строителей, тем более что давно собирался сделать кое-какой ремонт... Ну и следовало же отремонтировать оконную решетку или поставить новую взамен перепиленной.

– Да, разумеется.

– Сам же я отправился на дачу, на своей машине. Я неплохой водитель, так что... словом, я поехал один. Взял с собой немного мяса, бутылочку вина и... вот.

– Что – вот? Все?

– Все, – поспешно подтвердил Федор Николаевич, что утвердило меня в убеждении, что тут как раз далеко не «все».

– Я выехал по Новоастраханскому шоссе, – продолжал директор цирка, – добрался до моста через Волгу, проехал мимо милицейского КПП и уже на тринадцатом километре почувствовал, что меня... ведут. Дело в том, что я езжу на довольно старенькой «восьмерке», так что не могу позволить себе лихачить, хотя иногда хотелось бы. У меня ведь перед этим была иномарка, но ее угнали в прошлом месяце. Теперь вот езжу на синей «восьмерке». Так вот, увидел я, что ко мне приклеился серебристый джип «Тойота-Лендкрузер». Сами понимаете, что такой агрегатище мою «восьмерку» догонит и перегонит, как СССР Африку. Только вот не хотел он меня перегонять. Ехал я сто, и он – сто. Я восемьдесят или семьдесят пять, и он столько же. Понимаете?

– Понимаю, – сказала я. – А если вы пытались набрать скорость, то злополучный джип, разумеется, тоже набирал скорость и упорно от вас не отлеплялся. Обычный такой «хвостик». Так. Что же последовало далее?

– Я от него оторвался, – сказал Федор Николаевич.

– И как же вам это удалось?

– Когда дорога сворачивает к моей даче, там есть хитрый изгиб вдоль холма, когда впереди идущую машину не видно, даже если она в пяти секундах езды от тебя. Я дал задний ход и заехал на боковую грунтовку, по которой идет дорога в лес. Сделал это буквально у них перед носом, они проскочили и меня потеряли.

– Ага, – сказала я. – Судя по всему, вы опытный водитель?

– Точно. Я вообще люблю с машинами повозиться, есть у меня такая слабость. Я потому и воспринял очень болезненно, что у меня угнали «БМВ». Хорошая была машина, я ее из Германии пригнал. Хоть и подержанная, но пахала отменно.

– Ну хорошо, хорошо, – сказала я, – вы, Федор Николаевич, наверное, сегодня просто не в духе, вас все в сторону, на детали тянет. Итак, вас кто-то преследует. Что вы хотите от меня?

– Наш цирк скоро выезжает на гастроли, – проговорил он. – Обычно мы летаем самолетом или ездим на поезде, но тут у нас гастроли в средней полосе России, так что мы воспользуемся автотранспортом. Тем более что слонов, которых рекомендуется возить только по железной дороге, мы не берем. Весь инвентарь и зверей погрузим в несколько фур, прицепленных к «КамАЗам». Сам же персонал цирка поедет в автобусе. Я же обычно езжу в кабине головной машины, на которой традиционно везут тигров. Подготовка к гастролям уже выработалась у нас в некий ритуал, так что все давно распределено.

– Вы хотите, чтобы я ехала с вами и обеспечивала безопасность вашего цирка? – спросила я. – Так? Я правильно поняла?

– Да, – сказал директор. – У нас недавно уволились двое охранников, и мне так или иначе требовалось бы найти новых. Я решил нанять одного, но более высокого класса. А именно – вас.

Я улыбнулась и произнесла:

– Экономия за счет сокращения одного рабочего места? Только сразу предупреждаю, Федор Николаевич, что на мне экономить бесполезно.

– А я и не собирался, – отозвался он. – Напротив, я предлагаю вам хорошую сумму за то, что вы доедете с нами от Тарасова до Москвы. Промежуточные пункты – Пенза, Тамбов, Рязань. В каждом городе – только одно выступление, что означает остановку на два дня.

– Гм... – сказала я. – И сколько же по времени займут гастроли?

– Я назвал только один этап, – поправил меня директор цирка, – первый. На время этого этапа я и хочу вас нанять. А дальше... гм...

– Что – дальше?

– Дальше, может, что и выяснится, – неопределенно закончил он.

– Хорошо, – сказала я. – И на какой же сумме мы можем сойтись?

Он назвал...

Глава 2

Я медленно вышла из здания цирка. В предночном звездном небе что-то хрипело и рвалось – завывал ветер, но тут, на предцирковой площади, где горели огоньки и по лавочкам сидела, распивая пиво и прочие напитки, молодежь, кипела жизнь. Я тоже села на лавочку – хотелось поразмыслить над полученным предложением. Однако место оказалось чересчур бойким для спокойных размышлений: почти сразу я была атакована двумя подвыпившими молодыми людьми, которые размахивали жестяными банками с дешевым пивом, будто национальными флагами. Парни начали настойчиво приглашать меня присоединиться к их компании, но я решительно отказалась и пошла к проезжей части, чтобы поймать такси и отправиться домой.

Меня почему-то озаботило то, какие выгодные условия сотрудничества предложил Федор Николаевич свет Нуньес-Гарсиа. Честно говоря, я всегда предполагала, что в отечественных цирках денег немного, да и вообще бюджетники не склонны шиковать. А тут директор тарасовского цирка предлагал такие деньги, за которые можно и жизнью рисковать. А я, честно говоря, особого повода для риска во всем им изложенном не видела. Хотя, если заказчик платит столько, я вообще-то готова охранять хоть конуру от проживающей в ней собаки.

Шутки шутками, однако я действительно не могла пока понять, за какие такие заслуги Федор Николаевич предложил мне столь превосходное вознаграждение. Идя на встречу с ним, я готовилась к утряске финансового вопроса с потенциальным клиентом, но рассчитывала на сумму примерно вдвое меньшую. А никакой утряски и не было. Неконкретный, показательно эксцентричный и пугливый бывший дрессировщик, а ныне цирковой администратор просто взял, можно сказать, да и отвалил совершенно неожиданно весьма крупную сумму. Более того, в качестве задатка он сразу выдал мне полторы тысячи долларов. Ни больше ни меньше.

Не могу сказать, что это самый большой аванс в моей жизни – случались и покруче. К примеру, не далее как два месяца назад я сподобилась получить задаток аж в пять тысяч баксов, но вот только задача передо мной стояла совершенно иная: моим клиентом был влиятельный банкир, обложенный, как волк флажками. Работая на него, я неоднократно рисковала жизнью и в конечном итоге спасла только чудом, так что и задаток, и окончательная сумма гонорара были отработаны мною сполна. А тут... украденный тигр, непонятное проникновение в квартиру этого Нуньеса-Гарсии, поездка на дачу с «хвостом»... Словом, ну никак я не видела, за что тут следовало платить.

В любом случае деньги получены, контрактик мы с директором подмахнули, так что мне оставалось только с легкой душой готовиться к предстоящему путешествию.

В этот момент меня взяли под руку. Подумав, что те два молодых человека, которые усиленно выдвигали свои кандидатуры в мои спутники жизни на вечер, решили оформить попытку дубль два, я повернулась и уже хотела было сказать, что думаю по их поводу, но увидела совершенно незнакомую физиономию. Она, если говорить откровенно, впечатляла: на ней тускло копошились два небольших синеватых глазика и имелся нос, свернутый вялой картошкой. А еще на физиономии очень обильно были представлены брови – густые, как у незабвенного Леонида Ильича, они срослись на переносице и прорисовывались над глазами таким изумленным шалашиком. Помимо всего прочего, физиономия была густо усеяна веснушками и выражала некий вопрос.

Я мимикой выразила свое изумление, и вопрос был немедленно озвучен:

– Следовательно, это – вы?..

Формулировка была такой очаровательно непосредственной, и сопровождался вопрос такой напористой улыбкой, что мне ничего не оставалось, как кивнуть и ответить по всей форме:

– Следовательно, это я. А вы, собственно, кто?

– Я за вами наблюдаю, – объявил бровасто-веснушчатый тип. – Вы, наверное, из фирмы «Дива» и, я так понял, только что были у Федора Николаевича, у директора цирка. Что-то мне кажется, этот испанский тип совсем потерял башку.

– Что? – еще больше изумилась я, испытывая еще и другие, менее положительные эмоции. – А мне кажется, молодой человек, что вы совсем не по адресу. Мне неизвестна никакая фирма «Дива», и даже если бы была известна, все равно это не повод, чтобы хватать женщин на улице за руки и вообще вести себя крайне сомнительным образом. Кто вы такой?

– Я лейтенант Голокопытенко, – заявил тот, щуря свои блеклые и при том нагловатенькие глазки. – Я расследую дело об исчезновении имущества цирка.

– Тигра, что ли?

Голокопытенко сощурил глаза до такой степени, что они превратились в щелки, сквозь которые на меня ощутимо изливались злость и ирония. Кажется, он весьма ершистый молодой человек, подумала я. Неудивительно, что на него повесили очередной, по мнению его же коллег, «глухарь».

Кстати, лейтенант завел речь именно о своих сослуживцах.

– Вы говорите, как олухи в моем отделе, – сказал он. – Для них любое необычное дело превращается в повод для подтрунивания и хохм. Так, в прошлом году было дело, когда к нам пришла одна старушка. Она говорила, что в ее поселке на самой окраине города завелась нечистая сила. Что ночью вокруг ее дома пляшут черные и зеленые змеи и кто-то страшно воет в трубе. А еще она мельком видела из окна, как мимо идут слоники. И говорят. Представляете, какой бред! И наверняка представляете, куда старушку послали, когда она пришла со своей информацией в местное управление милиции. Разговаривал с ней, кстати, мой старый знакомый Коля Сухачев, алкаш не приведи господи, и конечно же, он ей сказал: вали домой, бабка, да проспись. В ту же ночь в поселке ни с того ни с сего изрубил себе все руки топором и насадился животом на кол местный учитель, чуть ли не единственный проживающий в округе интеллигент, к тому же – непьющий. Бабка ринулась в городское управление, оттуда ее переадресовали к нам, а наш начальничек, капитан Овечкин, в тот день именины справлял, так что бабуля осталась при своих. Отфутболили ее ко мне: есть, говорят, у нас такой живчик, лейтенант Голокопытенко, он будет расследовать любую туфту, даже бегство от бабушки и дедушки Колобка с последующим его умерщвлением лисицей. Я бабку, конечно, выслушал. А на следующий день – представляете? – ее обнаружили мертвой на пороге собственной избушки и с топором в руке. Обширный инфаркт. Но что, спрашивается, дернуло бабку в сырую и холодную апрельскую ночь вылезти в одной ночной рубашке на порог, да еще с топором?

– И вы заинтересовались этим делом, лейтенант? – спросила я.

– Я заинтересовался. Но нашелся один фигурант, который меня обскакал. Точнее – обскакала. Дама с лицензией частного детектива и телохранителя. Фамилия ее, кажется, Охотникова.

– Гм, – отозвалась я, чувствуя, что мне начинает нравиться этот настырный тип, с которым, видимо, мне придется вести одно и то же дело, – давайте присядем на лавочку, лейтенант. Вон там есть свободное место. У вас... хорошая память на фамилии.

– Да уж хотелось бы верить. Ну и что же вы хотите... насчет того дела со старухой, а? – кивнул он, возвращаясь к на минуту оставленной было теме. – Оказалось, что в том поселке разлившаяся Волга затопила кладбище. Факт сам по себе неприятный, если отбросить всякие там... оккультные штучки. Одно из захоронений было пусто, а в гроб какие-то наркоторговцы засунули партию товара. И то ли у них там упаковка повредилась, то ли еще что, только препарат этот стал в больших количествах растворяться в паводковой воде. И при испарении образовывать этикие галлюциногенные пары. Днем было еще ничего, потому что на свету, как оказалось, действие паров препарата ослаблялось, а вот ночью... Ночью человеку, нюхнувшему

тех паров, могло привидеться черт знает что. Вот жители поселка и посходили с ума. А капитан Овечкин, как протрезвел, объявил, что дело раскрыто, бесспорно, при содействии нашего отдела. Потому что бабка пришла сначала к нам. А это что-нибудь да значит.

– Ну, если так мыслить, то еще большее содействие в раскрытии оказал некий Сухачев – ваш, лейтенант, знакомый. Ведь к нему бабка пришла еще раньше, – улыбнулась я.

– Вот примерно так я и сказал капитану Овечкину, за что и вклеили мне со-очный выговорчик, – отозвался Голокопытенко. – Так, значит... вы не из фирмы «Дива»?

– Вы удивительно проницательны, – не отказала себе в сарказме я. – А почему я должна быть именно из фирмы «Дива»? С какого перепугу?

– С перепугу не с перепугу, а услугами данной эскорт-фирмы с недавних пор часто пользуется директор цирка... м-м-м... Нуньес-Гарсиа. И наградили же его фамилией!

Рассуждения лейтенанта с фамилией Голокопытенко напомнили мне анекдот о двух хохлах, стоящих у театра оперы и балета и беседующих следующим замечательным манером: «Передрыщенко, афиша!» – «И шо?» – «Та дывись, Передрыщенко, яка смешна фамилия – Шопен!»

– Лейтенант, – произнесла я, – все-таки я не из «Дивы». И, пожалуй, я представлюсь: Охотникова Евгения.

– Голокопытенко Влади... – машинально начал он, но тут же осекся и воззрился на меня, заговорив с весьма ощутимым пиететом: – Охотникова? Значит, это вы расследовали дело, о котором я сейчас так подробно рассказывал?

– Совершенно верно, – сказала я. – Меня попросил один мой знакомый, который, кстати, и синтезировал тот самый злополучный препарат. Только он ничего не знал, его формулу использовали без его ведома – через его научного руководителя, который оказался еще тем типом.

– Знакомый? – почему-то с подозрением спросил Голокопытенко. – М-м... а как его звали?

– Почему звали? Его и сейчас так зовут, он вроде как жив и здоров. Докукин, Николай. Кстати, недавно он, кажется, защитил докторскую диссертацию и стал самым молодым доктором наук в нашей области. Ему тридцать три года. Очень талантливый молодой человек.

– Правильно, – откликнулся Голокопытенко, – Докукин фигурировал в том деле с «нечистой силой». А вы, значит, и есть Охотникова?

– Да, я и есть Охотникова. Он – Докукин, а я – Охотникова.

– А он Докукин, – машинально повторил Голокопытенко, чем вызвал на моем лице ироническую улыбку, – именно. Вы, значит, его хорошо знаете?

– Да уж куда лучше, – кивнула я. – Он мой старый знакомый, практически с детства. Правда, в последнее время что-то мы с ним не общаемся, он не звонит, не пишет. Кстати, он даже руку и сердце мне предлагал. Розы дарил. Как раз за месяц до описанного вами случая с «нечистой силой».

Говоря это, я едва не рассмеялась, потому что Николай Николаевич Докукин, при всей трагической нелепости его персоны, вызывал у меня сугубо иронические ассоциации.

Однажды этот чудный индивид явился ко мне рано утром в воскресенье, когда я крепко спала. Проклиная все на свете, я двинулась к входной двери и, открыв, недоуменно замерла на пороге.

Первое, что я увидела, был просто чудовищный по размеру букет алых роз. Правда, стоит сказать, что розы были несколько вялые и, по всей видимости, были всучены принесшему их мне незваному и раннему гостю каким-то ушлым продавцом, вознамерившимся впаять подгулявший просроченный товар особо тупому покупателю. И это, без сомнения, торговцу удалось. Самого гостя не было видно до тех пор, пока букет не дернулся в сторону, отчего половина его с легким издевательским шелестом осыпалась на пол.

Коля Докукин – маленький, довольно низенький мужчина с нелепо торчащими во все стороны редкими белесыми волосами и простеньким личиком неотесанного деревенского увальня, которого неизвестно зачем угораздило дорваться до города. У него подслеповатые водянисто-голубенькие глазки за стеклами круглых очков, широко, по-детски открытые и периодически выдающие серии конвульсивных частых-частых морганий. Более того, Коля Докукин является счастливым обладателем непомерно длинного, немного горбатого и изрядно скошенного набок носа с шевелящимися ноздрями. Иногда упомянутый нос крутится во все стороны, отчего его счастливый обладатель начинает сильно смахивать на обнюхивающую углы и стены крысу.

Таким я его и увидела рядом с розами. На затылке этого милого индивида в тот момент лихо – а la «собака на заборе» – сидел котелкообразный головной убор, вероятно, скопированный со шлема знаменитого идадьго Дон Кихота Ламанчского. Зрелище было еще то!

Когда я открыла дверь и остолбенело уставилась на почтившее меня визитом чудо в перьях, оно втянуло ноздрями аромат подсохших роз и чихнуло так, что остаток букета рухнул прямо к моим ногам, а очки соскочили на кончик носа нежданного гостя.

– Здравствуй, Коля, – потерянно сказала я. – Ты что... на кладбище соби́рался, что ли?

– Почему на кладбище? – отозвался он в ответ на мою действительно нелепую фразу. Николай Николаевич имел ту отличительную особенность, что в его обществе все почему-то тотчас же начинали нести редкостную чушь, которая за минуту до того и в голову прийти не могла.

– Ну, розы вот... – сказала я.

– Розы – тебе.

– Да... м-м-м... ну спасибо. Спасибо. Проходи.

– Ага. Я уже это... прохожу. Да.

По всей видимости, Николай Николаевич в то утро пробудился невероятно рано, потому что сейчас был при полном параде. По крайней мере, для него это был полный парад и полный отпад. Поскольку во все оставшиеся разы я видела его исключительно в одежках эпохи развитого социализма, как то – болоньевая куртка или же плащик из серии «мышь серая» и облезлые ботиночки типа «прощай, молодость» в придачу.

Сейчас же он был в новом костюме-тройке, который сидел на его нескладной фигуре несколько мешковато, но тем не менее довольно сносно. Да и легкое пальто, которое он, войдя, нахлобучил на вешалку так, что та едва не рухнула, было довольно приличным и, по всей видимости, не самым дешевым. Кроме того, Коля оказался тщательно выбрит, а до того щеголял с некой бородкой, имеющей весьма отдаленное внешнее сходство с тем, что традиционно растет у мужчин на подбородке и скорее напоминавшей метелку или изрядно измочаленный бинтик. От Коли пахло парфюмом, хотя и не очень дорогим, но все-таки сносным, а вообще-то обычно мой ранний визитер распространял вокруг себя ароматы химлаборатории, в которой, собственно, и работал.

Внешний вид гостя – это еще были цветочки. Ягодки ждали меня впереди. Коля выглядел очень хитро, а когда я пустила его в комнату – к счастью, тетушки не было, – то он и вовсе меня потряс. Рассказываю все честно, как было. Короче, Николай Николаевич выписал такой словесный пируэт в сочетании со столь удивительным набором телодвижений, что мне едва не стало дурно. По крайней мере, дар речи я потеряла на минуту как минимум. Так вот – он встал передо мной на одно колено, при этом вляпавшись в грязную лужицу, натекающую с его собственных ботинок, и торжественно, отчего его крысиная мордочка приобрела прямо-таки апокалиптическую важность, произнес:

– Евгения Василь... в-в-в... Евгения Максимовна, я долго, очень долго... со вчерашнего вечера, размышлял над этим решением и наконец... уф-ф-ф!.. и наконец пришел к выводу, что этого... такого... одним словом, я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж! – выпалил он и,

в высшей степени довольный тем, что ему удалось-таки произнести сакраментальную фразу, уставился на меня прищуренными подслеповатыми глазками.

Пораженная оказанной мне великой честью, я оперлась на стену и некоторое время бессмысленно смотрела на скромно ухмыляющуюся докукинскую физиономию. Когда же ко мне вернулся дар речи, первое, что мне удалось из себя выдавить, было растеряннo-неопределенное:

– М-м-м... эта-та... спасибо, Коля, только... а чего это ты вдруг? Я имею в виду, что несколько неожиданно, да и вообще... Словом, Николай Николаевич, я должна подумать.

Понятно, что ни о чем думать я и не собиралась. Решение было вполне очевидным, но я должна была выдержать паузу, чтобы не огорчать моего эксцентричного гостя ну совсем уж молниеносным отказом. Я ведь знала его достаточно давно, и знала всегда с хорошей стороны, хотя никогда не воспринимала как мужчину.

Я спросила для того, чтобы выиграть время и хотя бы ненадолго перевести разговор в другую плоскость:

– Коля, а как твоя работа?

Маневр не возымел должного успеха: по всей видимости, Докукин был поглощен только тем, с чем явился.

– Работа... – рассеянно сказал он. – А, так... ничего, да. Так что, Женя, насчет моего главного вопроса?

– Како... а, ну да, – нехотя выговорила я. – Ну да, конечно.

Я пыталась сосредоточиться и молчала в поисках подходящих слов. Наконец, придав своему голосу как можно больше проникновенности, мягкости и сочувствия, заговорила:

– Ты понимаешь, Коля, то, что ты сказал, было настолько неожиданно и спонтанно, что я...

– А-а, тебе надо подумать? – радостно вклинился он в мою ответную речь и взмахнул рукой, отчего едва не разбил стеклянную поверхность изящного журнального столика.

Я с легкой досадой улыбнулась:

– Не перебивай. Так вот, Коля... я рада, что ты так хорошо и искренне ко мне относишься... м-м-м... Ты очень добрый и хороший человек, ты мой хороший друг... но понимаешь, Коля, ты пытаешься выйти на совсем иной уровень отношений, а для этого я должна относиться к тебе совсем по-иному. И не куксись, Докукин. Ты уж прости, Колечка, но я не могу принять твоего предложения. Все должно быть совсем по-другому.

Он обиженно отвернулся, и я не удержалась от смеха – настолько нелепо и трогательно выглядела его длинноносая очкастая физиономия.

– Нет... Женя... – пробормотал он. – То есть... ты меня выгоняешь?

– Я тебя выгоняю? Да ты что, Коля! – недоуменно отозвалась я. – Я тебя никуда не выгоняю. И не надо делать лица Гая Юлия Цезаря на последнем заседании сената: «И ты, Брут...». Лучше пойдем-ка завтракать... ты, наверное, еще не ел, если так рано поднялся?

– Не ел, – пробормотал он. – Только вот кактус откусил... показалось, что это яблоко.

Только тут я заметила, что губы Николая Николаевича в нескольких местах слегка надколоты и чуть припухли.

– Чудо ты морское, – проговорила я и, схватив его за рукав, буквально поволокла в кухню.

Так оно и было – вплоть до мельчайшего слова и жеста. И, честно говоря, эту своеобразную сцену я храню в памяти достаточно бережно. Кстати, я не стала говорить Коле, чтобы не обидеть еще больше, о том, что роз он мне подарил ровно двадцать штук. Как покойнице.

Глава 3

Голокопытенко проговорил:

– Понятно. То есть... директор цирка вызывал вас вовсе не затем, зачем я подумал.

– Ну уж конечно, не затем! Ведь вы, кажется, приняли меня за даму из элитарного эскорт-агентства...

– Значит, вы будете на него работать?

Я неопределенно повела плечами, словно давая этим жестом понять: может, буду, а может, и не буду, но в любом случае не твое это дело, лейтенант.

– Знаете, тут слишком много народу, – сказал лейтенант. – Я знаю одно место, где всегда тихо. Это рядом с нашим отделом.

– КПЗ, что ли?

– Да нет, – и глазом не моргнув, отозвался он. – Столовая при цирке. Туда мало кто ходит. Разве только Ваня Грозный там сейчас сидит.

– Кто? – протянула я.

– Ваня Грозный. Это карлик из шоу. Забавный, кстати, человек. Он не умеет писать, зато говорит на восьми языках. Вот такой типаж. Если бы не пил, цены б ему не было.

Я кивнула:

– Ну хорошо, пойдемте к вашему Ване Грозному. Если уж вы говорите, что больше там никого нет и никто на ушах сидеть не будет.

* * *

Столовая, о которой говорил Голокопытенко, в самом деле оказалась чрезвычайно безлюдным местом. Наверно, тому способствовала вывеска «Закррито», косо висевшая на двери поверх второй вывески, столь же категоричной: «Переучет». Но лейтенанта Голокопытенко не смущали подобные мелочи. Он открыл дверь и, обернувшись ко мне, произнес:

– Тот же Ваня Грозный рассказывал мне, что когда они были на гастролях в Израиле, а там постреливали да взрывали, то евреи, из наших, российских, вывешивали на двери таблички: «Все ушли на фронт. Будем через час». Кстати, его нет, – сказал Голокопытенко, окидывая взглядом шеренги пустых столиков.

– Кого?

– Вани. Ну да ладно, без него даже лучше. А то он как напьется, то такую чушь начинает пороть, что мало не покажется.

– Куда пресси, пьянь... ви-ы-ышь, написано – закрррито? – донесся рев из-за стойки, и следом оттуда вынырнула кудлатая рыжая голова со съезжающимися на переносицу щедро-синими глазами. – По-русски написано же...

– Опять нажрался, – сурово сказал Голокопытенко. – Твое место где? У ящиков. Ты грузчик, а опять из себя бармена разыгрываешь. Где буфетчик? Романыч, говорю, где?

Наконец появился буфетчик. Нам был отведен столик и поданы вкусные блинчики с мясом и сметаной, а также чай с вареньем. От водки Голокопытенко отказался даже решительнее, чем я.

Мы сидели за угловым столиком. Окно рядом закрывала тяжелая темная портьера, и шум вечернего города доносился в виде слипшихся, с трудом различимых шепотков. Где-то в глубине подсобных помещений столовой буфетчик Романыч распекал не в меру ретивого рыжего грузчика, поминая его родню и делая упор на матушку.

Более укромное место найти в самом деле было трудно.

– Занятно. У вас тут, я так понимаю, кредит доверия, – сказала я.

– Что-то вроде того. Цирковые – ребята хорошие, только беспутные. Мы уж по соседству смотрим сквозь пальцы на их выходки, а они тоже нам как могут помогают. Мы вот в их столовую ходим...

– Ясно.

– Вы уж простите, что я к вам пристал с этой «Дивой», – выговорил Голокопытенко. – Просто я отвечаю за расследование по исчезновению тигра. – Я едва не фыркнула от смеха, услышав последнюю фразу. – И взял, значит, на заметку самого директора, хотя он клянется и божится, что с громадным удовольствием вернул бы животное, просто не знает и ума не приложит, где его искать и кто мог похитить огромного хищника из запертой клетки, да так, что никто и не заметил. Так вот, – продолжал лейтенант, – я человек въедливый и занудный и ни от кого особенно это не скрываю. И раз я взялся за дело, пусть оно даже провисает, то считаю: нужно рассматривать ситуацию со всех ниточек, со всех концов. Понимаете? А этот Нуньес-Гарсиа, черти б его драли со всей его фамилией, толком ничего не говорит, только шарахается в какие-то никому не нужные мелочи.

Тут я мысленно согласилась с лейтенантом.

– Все ребята из нашего отдела сейчас брошены на отработку убийства Троянова – авторитета по кличке Тройной. Милый человек, – отрекомендовал почившего Голокопытенко, прожевывая блинчик с мясом, щедро политый сметаной. – Я с ним не знаком лично, но нескольких лиц из его банды знаю. Например, Вадьку Архипова. Он на водочном комбинате Троянова работает... как это у них называется... Корпоративным менеджером, во! А по-нашему – кладовщиком: он товар отпускает, накладные оформляет. Таких даже в ад не берут, потому что они и адский инвентарь – котлы и сковороды – начнут воровать, мясом поджаренных грешников торговать, выдавая его за телятину. Вадик Архипов – жулье невероятное! Хм, корпоративный менеджер... Был у меня один знакомый профессор, доктор наук, еще молодой к тому же, типа вот вашего Докукина. Когда его сократили, он нанялся в дворники, а чтоб марку не ронять, повесил себе на грудь бейдж: «Трунов Сергей Сергеевич, профессор, доктор исторических наук. Дизайнер экстерьера». Кстати, кто такой экстерьер? Собака, что ли?

Я разулыбалась во весь рот, еще пока Голокопытенко рассказывал о содержании бейджа, а когда он задал свои вопросы, и вовсе рассмеялась.

– Нет, лейтенант, не собака. Экстерьер – это то, что находится снаружи, в отличие от интерьера – объединяющего все, что находится внутри. В нашем случае «дизайнер экстерьера» – это и есть дворник. Он ведь подметает двор или там чистит снег. Выходит, правильно ваш профессор написал. Лейтенант, я хотела у вас спросить, как вас зовут? Вы начали было представляться, да что-то умолкли. От сияния моего величия, наверное.

– Я же сказал.

– Вы сказали: «Голокопытенко Влади...» Владимир? Владислав? Владилен, может быть? У меня был один знакомый – то ли осетин, то ли лезгин, – так его вообще Владикавказ звали.

– Володя я. Владимир Голокопытенко, лейтенант Волжского РОВД города Тарасова, если официально. Так вот, я говорил про то, что наш отдел брошен на расследование тройного убийства. Трех человек то есть. А главное в этом тройном убийстве – убийство Тройного, то есть Троянова Павла Петровича.

– Да вы мастер каламбура, Володя!

– Калом... бура... м-м-м. Да. Понятно. Вы, Женя, наверное, в курсе, что, кроме Тройного, убили еще двоих: Кабаргина, начальника охраны Троянова, а еще девушку как раз из эскорт-агентства «Дива», некую Вику. Викторию Алексееву. Кстати, «Диву» держит Троянов. То есть держал. Не повезло девушке – попала под раздачу... – Голокопытенко сделал паузу, крупным глотком ополовинив стакан с чаем.

Я уже несколько вошла в ритм повествования лейтенанта Голокопытенко и потому не стала пришпоривать его очередным «почему?» и «что, простите?», а просто последовала его примеру и отхлебнула чаю. В самом деле, он для столовой был куда как недурен.

– Теперь перейдем к директору цирка, – продолжил лейтенант. – Федор Николаевич утверждает, что в квартире, когда в нее залезли, он был вдвоем с коллегой, а на дачу ездил один, в компании с вином и мясом. Компания, конечно, отличная, сам бы от такой не отказался, но зарплата не всегда позволяет...

«А взятки ты, лейтенант, не берешь, – подумала я, – оттого и носишь фамилию Голокопытенко, а не, скажем, Мохнатолапенко...»

– Но мне показалось, что директор врет. Я обследовал его квартиру, в которой они пили с дрессировщиком Павловым. Так вот, пили они из трех – понимаете? – бокалов. Более того, пили старое коллекционное вино, так что в бокалах остался осадок. Во всех трех. Я не думаю, что Гарсиа и его собутыльнику пришла в голову блажь разлить вино непременно по трем бокалам, хотя их самих было двое.

– А бригада строителей? – спросила я скептически.

– Эти не пили. Я хотел сказать, что они из хозяйской тары и хозяйское же вино не пили, у них свои стаканчики и свои бутылки. Я уже опрашивал их. Строители говорят, что видели в квартире только одного Гарсию. Закончив часть работы и приготовившись ко сну, они выпили на троих бутылку водки и уснули. Ни о каких винах и бокалах речи быть не может. Далее. Нуньес-Гарсиа, то есть Лаптев, поехал на дачу... Он ведь рассказывал вам об этом, так?

– Да.

– Поехал якобы один. Да вот только неувязочка вышла с его рассказом. Гарсиа уехал после двенадцати. А после двенадцати каждая машина, проезжающая через Тарасовский мост на левый берег Волги, останавливается инспекторами центрального КПП, расположенного перед мостом. Работают до пяти инспекторов, и не заметить автомобиль они не могли. Я опросил дежуривших в ту ночь гаишников. Один из них показал, что останавливал синюю «восьмерку», в которой сидел Федор Николаевич. Инспектор его по фото опознал.

– И что?

– А ничего. Проверил он у него документы, да и отпустил. Но в том-то все и дело, что директор наш был не один. На сиденье рядом с ним сидела такая красотища. Инспектор бы мог на пассажира не обратить внимания, только там была, как он сказал, та-акая, что закачаешься.

– Вы хотите сказать, Володя, что это была проститутка?

– А кто же? Дочь, жена, любовница? О первой известно, что ее сейчас в городе нет, жена Лаптева давно умерла, а если бы у него была любовница, то об этом даже последняя цирковая лошадь знала бы. В цирке такие секреты долго не держатся, их быстро на растерзание общественности отдают. Это я уж хорошо знаю.

– От Вани Грозного? – улыбнулась я.

– И от уборщика Чернова, который следит за тиграми, убирает у них в клетках и кормит животных. Я с ним уже в процессе расследования свел знакомство. Хороший дядька, только пьет много. Да на такой работе как не запьешь! Кстати, говорят, что в цирке больше всего квасят клоуны. Некоторые на арену без грима выходят. Нос и так красный, как запретный сигнал светофора.

– Выдумщик вы, Володя, – сказала я. – «Запретный сигнал светофора...» Вам бы не протоколы, а романы писать. Ну и что из того, что он директор цирка: выгораживает девушку, даже если она была и в квартире, и в машине, когда Федор Николаевич ехал на дачу?

Голокопытенко пожал плечами:

– Да, вы правы. Ровным счетом ничего. Так и костоломы из нашего отдела сказали бы, и даже капитан Овечкин, если не пьяного его встретить. Только странно как-то: человек, который

боится за свою жизнь, берет с собой на дачу девицу. Когда же с него снимают показания, то о девице он умалчивает. Забавно, правда?

– Бездоказательно, Володя. Весьма бездоказательно, – сказала я. – Вы не хуже меня знаете, что все это ничего не означает. Упоминал Нуньес-Гарсиа о девице или не упоминал... какое отношение это имеет к тигру? Ведь вы же по поводу его исчезновения роете материал. И к сопровождению гастрольных фур...

– ...К которому, верно, приставили вас, – перебив меня, закончил лейтенант грустно, – тоже, наверное, не имеет. Более того, мне уже сказали, что я лезу не в свое дело. Какого черта, сказали мне, ты, Голокопытенко, лезешь в «мокруху» с Тройным, в дела вокруг директора цирка, если тебе поставлена одна задача: найти тигра, этого проклятого Пифагора! Кстати, о Пифагоре: всегда ненавидел геометрию. Мне по ней еле-еле «три» натянули.

– Вот что, Володя: если вам так интересно, кто был у директора цирка дома в тот вечер, когда туда залезли, то почему вы опрашиваете всех подряд, даже инспекторов ГАИ и цирковых карликов, но только не того, кто мог ответить наиболее точно? У дрессировщика Павлова вы справки наводили?

– У Павлова? – переспросил Голокопытенко. – А вот с Павловым-то я и не поговорил. И не потому, что я такой ленивый, а просто Павлов... как-то не удосуживается ни дома бывать, ни на работе. А домашнего телефона у него нет.

– Так нужно съездить.

– Я уже ездил.

– Так нужно еще съездить.

– Я три раза ездил.

– Какой нехороший дрессировщик. Отказывается быть дома в тот момент, когда к нему приезжают сотрудники милиции задать вполне невинные вопросы... – иронично пробормотала я. – А что, товарищ лейтенант...

Вопрос я задать не успела. Не потому, что подавилась блином или же не знала, что сказать дальше. Просто в тот момент в столовую, перекрытую грозными уведомлениями «Закрето» и «Переучет», вошли двое. Один из этих двоих был карлик с огромной курчавой головой, с выпуклым лбом и громадной нижней губой. У него были маленькие, как у бульдога, глазки, сердито позыркивающие и поблескивающие, как две начищенные медные пуговицы. Его спутником был, напротив, детина огромного роста, с широким красным лицом и мощными ручищами, торчащими из засученных рукавов. Дитина был атлетически сложен и обладал раскачивающейся походкой, какой шагают подвыпившие матросы. При этом передвигался он абсолютно бесшумно, даже несмотря на явно нетрезвое свое состояние.

Карлик же, наоборот, едва появившись, создал интенсивную шумовую завесу. На самом входе в столовую он напоролся на стол со вскинутыми на столешницу перевернутыми стульями. Карлик умудрился удержать равновесие, а вот стол покачнулся, стулья с него посыпались, словно перезревшие яблоки с яблони, и тотчас же за ними на пол, перекувыркнувшись, последовал стол. Карлик заскакал вокруг рухнувшей мебели на одной ноге, жалуясь на то, что ему отдалило пальцы. Свои жалобы он густо перемежал кучерявыми ругательствами.

Неудивительно, что во время этого маленького светопреставления вопрос, который я хотела было задать лейтенанту Голокопытенко, выветрился у меня из головы.

– Гррррыгоррий! – заорал карлик неожиданным басом, давя на звук «ы». – Дай душу залатать – сквозит!

– Да тебя и так уже прохватило – еле на ногах стоишь, – сказал буфетчик, появляясь. – Ты, Ваня, сегодня с утра был пьян, как я разглядел.

– Дак вчера у Маруськи день рождения был! Мы вот с Егорычем отмечали.

– У Маруськи?

– Ну да. Не веришь, что ли, Грыгорый? Егорыч, подтверди.

Громадный безмолвный детина кивнул головой.

– Хорошо погуляли, – продолжал карлик. – Маруська песни трубила. Чуть на меня не наступила. Вот был бы блинчик... Кстати, почему у тебя блинчики?

– Тебе-то какая разница, все равно в кредит жрешь, – беззлобно сказал буфетчик, – «До зарплаты, до зарплаты...» На водку у тебя есть, а на закуску не хватает.

– Не жидись, Григорий Романович, – лихо откликнулся карлик, – вот лучше послушай, как я в Канаде с Маруськой кувыркался... Были дела – баба жабу родила...

Буфетчик беззвучно захохотал. Я недоуменно рассматривала мизансцену. Голокопытенко проговорил:

– Кстати, вот и все в сборе!.. Тот, что карлик, – и есть Ваня Грозный. Он никогда не платит наличными, у него их просто нет никогда, хотя он все время рассказывает, что за границей то пять тысяч «зеленью» огребают, то семь. И самое смешное, что это правда! Видишь, как он буфетчику Романычу зубы заговаривает? Его забирать в обезьянник – дело рискованное, потому что он все время буянит, а последний раз произносил перед алкашами пламенные речи и требовал снести наш РОВД, приняв его за Бастилию. И ведь едва не снесли! И надо бы ему морду пощупать за такие дела, да нельзя. Его все у нас любят, он у директора цирка полный любимчик и три раза с нашим майором водку пил, истории о заграницах заправлял.

– А второй? Который громила?

– Второй, Женя, и есть уборщик Чернов, у которого тигра сперли. Видишь, какой здоровый. Он мне говорил, что с тринадцати лет в цирке. Значит, почти сорок лет – сейчас ему чуть за полтинник.

– Здоровенный какой, – сказала я, разглядывая богатырскую статью Чернова. – Наверное, тигров, как котят, швыряет.

– Их пошвыряешь... – поежился Голокопытенко. – Я вот только сегодня видел, какие это туши. Они мясо рвали с вил, как сладкую вату, которую дети с палочек едят. Ума не приложу, как могло выйти, чтоб тигр из-под носа Чернова пропал. Такая туша полосатая, да еще с зубами и когтями... И кому он вообще нужен? Я, честно говоря, сразу на него, на Чернова то есть, подумал, только он... Подождите, Женя. Кажется, они нас заметили.

Голокопытенко был прав. Карлик Ваня Грозный и здоровяк Чернов, получив от буфетчика бутылку водки и блюдо блинов с мясом, наскоро подогретых в микроволновке, направились к нам. Чернов был угрюм, карлик же раскинул коротенькие ручки и воскликнул:

– Вы еще не ушли? Снова по нашу душу, гражданин начальник? Ну что? Кто Пифагора спер, не знаете пока? Эт-та плохо. Пифагор был у нас тигр ученый, хотя и слопать мог любого безо всяких катетов и гипотенузы. Гипотенуза – это такой соус в Таиланде, – пояснил неожиданно Карлик, треща с невероятной скоростью и перескакивая с темы на тему. – Помнится, Пифагор задрал Машку-акробатку, а она мне нравилась. С тех пор взял я себе за правило дружить только с крупными женщинами, которых и тигр не проймет. Взять хотя бы Маруську...

– Ваня, я наливаю, – сказал Чернов, тяжело опускаясь за наш столик. – Ты, лейтенант, что-то спросить хотел?

Меня все они, кажется, упорно не замечали.

– Я поужинать хотел, – отозвался Голокопытенко.

– Поужинать? А что ж без водки? Дама водки не пьет? – как из рога изобилия сыпал слова Ваня Грозный. – Это плохо. У меня Маруся на что дама интеллигентная, а и то на свои именины изволила выкушать литр водки. Хотя при ее весовой категории литр – совершенная ерунда, даже говорить не о чем. Ты, Чернов, – черствый и бессердечный мужлан. У тебя Пифагора украли, а тебе хоть бы хны, все водку жрешь. Да если бы у меня Марусю... Маруся – это дама моего сердца... – пояснил он специально для меня, в очередной раз ломая фразу, – так вот если бы ее украли, я б покоя не знал, и вообще... Да разве Марусю украдешь! – заключил он со вздохом, взвешивая в руке стакан, до половины наполненный водкой.

В куцых пальчиках стакан казался удивительно объемистым и увесистым. С карлика Вани Грозного можно было рисовать антиалкогольный плакат: «Не пей, Иванушка, а то станешь...»

Ваня Грозный хитро подмигнул мне, а Голокопытенко проговорил, прервав мои мысли:

– Слониха.

– Что? – не поняла я.

– Да Ваня про свою Марусю рассказывает. Маруся – это слониха.

– Ага, – всунулся Ваня, – полторы тонны элегантного дамского веса. Ей литр водки – все равно что мне каплю алоэ в нос закапать.

– Да меньше, – впервые за все время разговора подал голос Чернов. – А дирик наш сказал, что за Пифагора у меня будут вычитать из зарплаты. Так что ты, лейтенант, расстарайся. Найди хвостатого. Если что, я тебе ящик водки выкачу. Или вот Ваня Грозный... Он у нас за границей часто бывает – может тебе привезти что-нибудь этакое. В общем, отблагодарим.

– А тигр Пифагор, значит, исчез в ваше дежурство? – спросила я.

– Вы тоже, что ль, от этих? – здоровяк мотнул головой в сторону Голокопытенко, безмятежно дожевывающего последний блин, и удрученно кивнул. – В мое дежурство Пифагор пропал, в мое. Ночью. У нас вообще-то все время мое дежурство. Не иначе как гнида какая-то у нас в цирке завелась, потому что человек со стороны так ловко обтяпать такое дело не сумел бы. И явно у него есть навыки работы со зверями. Тут наших бывших надо потрошить. Вот, например, Витьку, значит, Кабаргина убили, – неожиданно произнес гигант, – а ведь он тоже из наших был. Десять лет назад еще выступал, а потом к бандюкам подался. Вот и довыступался.

Чернов перевел дыхание. Наверное, эта речь была для него необычайно продолжительной.

– Кабаргин? – переспросила я. – Тот, кого убили вместе с Трояновым?

– Кабаргин всегда был сволочью перепаханной, – снова вступил в разговор карлик, потому что Чернов явно обессилел от неслыханного для себя витийства. – Он еще когда у нас работал, всегда норовил «левачка» срубить. И с нашим бывшим, Тлисовым, какие-то дела перетирал, а потом свалил в коммерцию. А Тлисова наконец-то сняли. Тлисов нас всех оптом и в розницу продал бы, – заключил человек с именем Ваня Грозный. – Говорят, он девок наших цирковых в элитарные конторы толкал, чтобы они перед толстыми папиками выдрючивались, номера откалывали. Да и новый-то, Лапоть, Федя наш ненаглядный Нуньес-Гарсиа... пока по воровской дорожке, как целка, ходит, но ничего – ссучится. Он уже под дрессуру Лени Павлова попал, а под Лениной дрессурой даже бегемоты дошли. Был у нас бегемот Поликарп – здоровущий, как слон хороший, – и что же? На Павлова взглянул, загрустил не по-детски да и помер. В Канаде помер, кстати. А Павлов непонятно с каких доходов купил себе «мерс». Ему, наверное, родственники Поликарпа из Африки денег на похороны прислали, – грустно пошутил Ваня. – Вот мои родственники уж точно не наскребли бы на «мерс» – то.

– Твои родственники, Ваня, из-за такой мелочи и с пальм-то слезать не стали бы, – сказал Голокопытенко. – А где сейчас Павлов? Не видели его? А то я его второй день пытаюсь разыскать, да что-то никак не удается.

– Павлов-то? – отозвался карлик. – Ну видел я его сегодня. А что ему тут делать? У него других забот полно. Говорят, у него дочка собралась поступать куда-то, так надо подмазать декана, чтобы поступила. Вот он и катается. Сейчас, наверное, дома. Точно, дома. Я слышал, как он говорил, что домой поедет.

Я взглянула на Голокопытенко. Володя дожевал блин и встал:

– Дома, значит?..

Глава 4

- Поедете со мной? – спросил лейтенант Голокопытенко осторожно.
- Простите?
- Я говорю, не поедете ли вы со мной к этому Павлову?
- Не вижу смысла. Если он дома, то вы и один, Володя, прекрасно с ним переговорите. А если его дома нет, то количество визитеров, которые не попадут в квартиру, сами понимаете, значения не имеет.
- Ну ладно. Как вам эти двое?
- Забавные. Они тоже участвуют в гастролях?
- А как же!
- Значит, у меня есть теоретический шанс поддерживать с ними отношения аж три недели, – вздохнула я. – Вы на такси, Володя? Транспорт сейчас ходит как-то не особенно.
- Не особенно – это у меня с деньгами. А на такси, мне кажется, денег уходит лопатой.
- Ну ладно. До свидания. Вам в какую сторону?
- Не знаю. Сейчас гляну, у меня адрес Павлова записан в блокноте. Так... Вот, нашел. Железнодорожная, восемь, квартира девятнадцать, – сказал Голокопытенко.
- Я обернулась:
- Как?
- Железнодорожная, восемь, – повторил он. – Это где-то в районе железнодорожного вокзала, если судить по названию...
- В районе железнодорожного вокзала, правильно, – быстро отозвалась я. – Вам, стало быть, надо сесть на маршрутку номер тридцать два. Как раз до места... Только она, кажется, уже не ходит. Ладно, мы сделаем лучше: я покажу вам, где это.
- Вы же не хотели ехать, Женя, – ухмыльнулся Голокопытенко, шевеля своими брежневскими бровями.
- А я и сейчас не собираюсь. Просто Железнодорожная, номер восемь, – это дом напротив моего собственного. Как цирк напротив вашего РОВД.
- Правда, что ли? Значит, мне повезло. Вы ведь на такси собирались ехать?
- На такси. Поехали уж, лейтенант. А то прохладно становится.
- Мы поймали машину и доехали практически до моего дома. Судя по адресу, дрессировщик, ловко покупающий «мерсы», как рассказывал карлик Ваня Грозный, живет буквально в двух шагах от него.
- Здесь, – сказала я. – У нас дома одинаковые, значит, квартира Павлова в первом подъезде на пятом этаже. Кстати, вам повезло, лейтенант. Он дома. Свет у него в окнах горит – вон те три, видите? Я посчитала.
- Вот как? – Голокопытенко поднял голову и стал шевелить губами, очевидно, тоже производя расчеты. – Ладно, я пошел.
- Ну, счастливо, – сказала я. – Удачи вам.
- Спасибо, – буркнул тот и, время от времени оглядываясь на меня, пошел к подъезду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.